

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ПИСКАРЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ, КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК О СОБЫТИЯХ XVI—НАЧАЛА XVII в.

Академик

М. Н. ТИХОМИРОВ

За последнее время, пожалуй, мы не имели таких выдающихся находок среди летописных памятников, как Пискаревский летописец, находящийся в собрании Д. В. Пискарева (№ 611) Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве¹. Честь открытия этого памятника принадлежит О. А. Яковлевой.

Пискаревский летописец, судя по водяным знакам, был написан примерно в 20—30-х годах XVII столетия. С внешней стороны этот летописец не выделяется из других рукописей своего времени. Может быть, именно по этой причине он и не привлекал к себе внимания исследователей. О. А. Яковлева, опубликовавшая этот летописец, относит водяные знаки рукописи «к концу первой четверти XVII века», указывая на «кувшинчик», близкий к знаку, датируемому Тромониным 1626 г. (№ 1763). Однако М. В. Щепкина² отмечает, что в Пискаревском летописце свыше двадцати сортов бумаги, в том числе и более поздней, чем бумага первой четверти XVII в. («первой трети XVII века»). По словам М. В. Щепкиной, создается такое впечатление, «как будто человек старался подобрать рукопись из листов казенной бумаги».

Летописец издан О. Я. Яковлевой не целиком, а только в его последней части, которая начинается с 1533 г., т. е. с начала царствования Ивана Грозного, и кончается записями начала XVII в. Именно на этой, изданной части Пискаревского летописца мы и остановимся в дальнейшем.

Пискаревский летописец является любопытнейшим памятником не только по содержанию, но и по языку. Перед нами редкий источник, в котором ярко чувствуется московский говор XVII в., с сильно выраженным «аканьем», в силу которого для составителя или переписчика летописца было совершенно одинаковым писать: «адна» и «одна», «авощ» и «овощь», «адва» и «едва», «мятеж» и «метеж» и т. д. Уже по своему языку Пискаревский летописец — памятник московского происхождения.

По содержанию этот летописец также произведение, целиком связанное с Москвой и московскими событиями XVI — начала XVII в. Это отмечает и О. А. Яковлева. По ее мнению, Пискаревский летописец основан «на воспоминаниях некоего москвича, написанных в период с конца 1612 г. (или с самого начала 1613 г.) по 1615 г. Эти записки рассказывают о событиях начиная с конца 50-х годов XVI в. (поездка Адашевых в Царьград) и кончая 1615 г., которым датирована казнь Ивана Заруцкого, Марины Мнишек с сыном и Федьки Андропова»³.

Этот вывод повторяется исследователем неоднократно и в самом тексте, и в примечаниях. Отвечая на вопрос, кем был предполагаемый автор летописца, О. А. Яковлева

¹ «Материалы по истории СССР», вып. II, «Документы по истории XV—XVII вв.», М., 1955, стр. 7—210. Далее цитируется, как «Летописец».

² Устные замечания М. В. Щепкиной на доклад М. Н. Тихомирова, прочитанный им на совместном заседании кафедр источниковедения и истории СССР периода феодализма исторического факультета МГУ 28 февраля 1957 г.

³ «Летописец», вступит. статья, стр. 13.

пишет: «В царствование Грозного человек этот был ребенком или подростком, так как описал это царствование в основном по рассказам людей более старшего, чем он, возраста и лишь в небольшой степени по своим собственным воспоминаниям. Человек этот в сознательном возрасте был современником царствований царя Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского; он наблюдал события польско-шведской интервенции и начала царствования царя Михаила Федоровича.

Сведения, сообщаемые москвичом-современником, его суждения и оценки, вошедшие в качестве источника в «Пискаревский летописец», имеют большую историческую ценность»⁴

Соглашаясь с тем, что наша историческая наука получила новый и притом исключительный по своему интересу источник по русской истории второй половины XVI — начала XVII столетий, мы не можем, однако, безоговорочно согласиться с выводами О. А. Яковлевой. Ведь для того чтобы установить историческую ценность того или иного источника, необходимо прежде всего критически рассмотреть достоверность его известий, а именно это и не было сделано публикатором.

Прежде всего вызывает сомнение само определение записей Пискаревского летописца, как «воспоминаний» москвича, так как невозможно приписать одному и тому же автору разнородные по стилю и политической направленности летописные записи нашего источника. Перед нами текст, явно написанный разными людьми и в разное время. Отдельные части летописца взяты из различных источников, как показывает не только их содержание, но и заметки: «прописано в сем летописце 93 и 4», т. е. в летописце не оказалось 7093—7094 (1585—1586) гг.⁵ и т. д.

Конечно, можно предположить, что различные источники были обработаны одним человеком, и следы такой обработки действительно заметны. Однако невозможно представить себе, чтобы один и тот же человек (на протяжении нескольких страниц) писал в совершенно разном аспекте, допустим, о царствовании Бориса Годунова. Так, часть известий о Борисе Годунове дает высокую оценку его деятельности. Борис Годунов почтительно именуется «служгой и конюшим», а позже «государем царем». Другие же известия говорят о нем, как о «сластодержателе мира сего», желавшем царского престола и организовавшем убийство царевича Дмитрия Углицкого⁶. В первых известиях виден сторонник Годуновых, вторые написаны приверженцем Шуйских. Время же, когда было написано известие об убийстве царевича Дмитрия, устанавливается тем, что в нем сказано о погребении царевича в Архангельском соборе «у столпа», что произошло только в царствование Василия Шуйского.

Видимо, надо предполагать существование каких-то разнообразных источников, на основании которых был написан Пискаревский летописец. Одни из них были близки по времени к описываемым в них событиям, другие отстояли от них далеко. Всякая людская память становится ненадежным источником после истечения определенного времени, и одно лицо с одинаковой полнотой не могло описать события начала царствования Грозного и царствования Бориса Годунова, отделенные друг от друга половиной столетия.

Итак, перед нами компилятивное произведение, в котором мы можем различить отдельные составные части. Обратим вначале внимание на ту его часть, которая содержит сведения, относящиеся к царствованию Ивана Грозного.

Впрочем, оговоримся с самого начала, что сведения Пискаревского летописца о времени Ивана Грозного сочетают два противоположных элемента. Часть текста написана, несомненно, современником Грозного, передающим почти официальные реляции о взятии Казани, о пожаре в Москве и т. д. Эти известия 1533—1554 гг., как правильно

⁴ «Летописец», вступит. статья, стр. 14.

⁵ Там же, стр. 98. Составитель летописца пишет: «Прописано в сей книге тетради многие», «списать было не с чего — по великой нуже книги подлинной не было». Поэтому он пропустил княжения Василия Темного и Василия III (см. там же, вступит. статья, стр. 8).

⁶ Там же, стр. 92. При цитировании летописца автор данной статьи иногда изменял пунктуацию, принятую издателем, так как при издании Пискаревского летописца допущены были различные приемы передачи текстов. Например, подавляющая часть текста дана с раскрытием титлов и тут же сохранены титлы даже для обычных слов, что расшифровывается скобками.

отмечает О. А. Яковлева, «большой частью» соответствуют Никоновской летописи (ПСРЛ, т. XIII), но рядом с ними (с 1547 г.) помещены известия неблагоприятные по отношению к Ивану Грозному и «новые» по сравнению с другими летописями. Поскольку вопрос об источниках, характеризующих царствование Ивана Грозного, представляет большой интерес, необходимо критически рассмотреть эти «новые» известия Пискаревского летописца и попытаться объяснить, что они собой представляют как исторический источник.

После рассказа о московском пожаре 12 апреля 1547 г. в текст Пискаревского летописца вставлено известие о возвышении Алексея Федоровича Адашева, начинающееся словами: «Того же году», т. е. надо понимать 1547 г., когда в Москве произошел пожар. Следует, впрочем, заранее предупредить, что слова «в том же году», «тот же год» употребляются в Пискаревском летописце довольно часто, без твердого указания, действительно ли то или иное событие случилось именно в таком-то году. Это обозначение общее и крайне неясное, в силу чего иногда оказывается, что событие произошло не в том году, под каким оно записано в летописце. Порой Пискаревский летописец употребляет еще более неясное выражение: «невкое время», т. е. когда-то, в какое-то время, что, видимо, указывает на припоминание о событии или на запись его по устной передаче.

Именно с таким припоминанием мы и встречаемся в известии о возвышении Адашева. Пискаревский летописец рассказывает: «Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси послал в Царьгород гонца своего костромитина Федора Адашева и сына его Алексея. И Федор у царя был, и царь его пожаловал великим жалованьем, и приехал к государю, и государь его пожаловал. А сын его, Алексей, разболелся и тамо остался у царя, а был з год и приехал к великому князю, и князь велики его пожаловал и взял его к себе в приближенье, и отца для его пожаловал боярством, а его окольным. И много лет был в царской милости и до оприщины. И как почал множитца грех земской и оприщина зачинатися, и князь велики его послал на службу в Юрьев Ливонской, к воеводе, ко князю Дмитрею Хилкову, а велел ему быти в нарядчиках». Далее говорится, что воевода Хилков не позволил Адашеву быть «нарядчиком». Грозный вспомнил о своем опальном временщике и послал убить его. «Пригнал гонец убити, а он преставился за день и лежит во гробу. И писали о нем государю. И государь его пожаловал, велел отвести на Углич, к родителем в Покровской монастырь, где лежит отец его Федор и брат его Данило»⁷. «А как он был во времена,— пишет далее Пискаревский летописец,— и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе... Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в избе у Благовещения, где ныне полое место между полат»⁸.

Текст, как видим, чрезвычайно интересный, но явно записанный спустя много лет после смерти Адашева. Старший Адашев, Федор, пожалован был боярством в 1553 г., в том же году сделался окольным Алексей Адашев, Данило Адашев скончался в 1562-63 г. Тут же вспоминается о «полом месте между полат», т. е. о пустом месте, где стояла изба у Благовещенского собора, в которой сидели Алексей Адашев и поп Сильвестр. Трудно сомневаться в том, что известие об Адашеве было написано спустя много лет после его смерти, во всяком случае после 1565 г., так как в нем говорится об опричнине, а может быть, и еще позже, когда образовалось пустое «полое место у Благовещения», вероятно, после московского пожара 1571 г.⁹, хотя и этот год, как это будет видно дальше, не является конечной датой, когда могло возникнуть известие об Адашеве.

Таким образом, перед нами, действительно, «воспоминание» москвича, записанное, однако, не по личным наблюдениям, а по рассказам. Это очень интересное припоминание, хорошо характеризующее Адашева, как всемогущего временщика, который «правил Рускую землю», заслониив собою царя.

Такие же записи о прошлом, основанные не на личных воспоминаниях, а на рассказах или на неизвестных нам источниках, находим и далее.

⁷ «Летописец», стр. 56.

⁸ Там же, стр. 56—57.

⁹ См. С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. 7, № 5, М., 1950, стр. 452.

После повествования о взятии Казани в 1552 г., которое основано на каком-то летописном источнике, близком к Никоновской летописи, в Пискаревском летописце под 1560 г. сообщается о смерти царицы Анастасии и женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне: «Женися царь Иван вторым браком: понял черкаску, Темрюкову дочь князя черкаскаго»¹⁰.

Вслед за этим следует такое известие: «В сем летописце прописано в летех 54: поход на Коломну великого князя Ивана по крымским вестем. Прииде князь велики на Коломну и прииде весть, што царь крымской воротился от украинны и князь велики стоял на Коломне и Голутвине монастыре. А полки по обе стороны реки. И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю, и в бояры, и сеял гречиху, и иныя потехи: на ходулах ходил и в саван наряжался. И тут, грехом христианским, туто же ученилася казнь, а казнил дву Воронцовых Феодора да Василия, да князя Ивана Кубенского по наносу злых людей»¹¹.

Обращает на себя внимание то, что эти сведения взяты были в Пискаревский летописец из какого-то иного источника, а не из той летописи, откуда был взят рассказ о взятии Казани. В том летописце, близком, как мы знаем, к Никоновской летописи, было «прописано», т. е. пропущены сведения о потехах и казнях в Коломне. Что же послужило источником для рассказа о потехах и казнях в 1546 г.? Что, собственно, перед нами, письменная ли запись или предание? Чтобы ответить на эти вопросы, сравним сведения Пискаревского летописца с известием современника в Постниковском летописце. В нем коломенские расправы Грозного точно датированы 25 июля 1545 г. с упоминанием, что опальные люди были казнены перед шатрами¹². Перед нами еще одна запись, основанная на устных рассказах и пропущенная в летописцах. Поэтому О. А. Яковлева совершенно напрасно ставит на полях вместо 1546 г. «1545-46», тем самым подправляя ошибку Пискаревского летописца, который имел в виду именно 1546 г. («в сем летописце прописано в летех 54»). Автор записи, видимо, помнил время лишь приблизительно, вследствие чего и ошибся на один год.

Уже в известии об Адашевых заметен особый интерес Пискаревского летописца к опричнине, которая названа в нем «грехом земским». Этому событию в летописце отведено особое место. Рассказав о «видении князя Юрья Васильевича, брата великаго князя, да Макария митропалита о Полоцком взятии» 1563 г., летописец начинает рассказ об опричнине статьей «видение Макария митропалита о опричнине».

Макарий, будто бы, стоял на обычной молитве в ночной час «невкую годину» и предчувствовал грядущее «разделение земли» «за много время до опричнины». «Того же году, невкое время» Иван Грозный просил прислать ему «душеполезные книги», а митрополит Макарий прислал ему «погребален» (вероятнее всего чин погребения). В ответ на гневное замечание царя, что в царские чертоги такие книги не вносятся, митрополит ответил: «Аз, богомолец твой, послал спроста по твоему приказу, что еси велел прислати книгу душеполезную, и та всех полезнее: аще кто ея со вниманием почитает, и тот в веки не согрешит»¹³. Этот рассказ носит все черты легенды, которая должна подчеркнуть отрицательное отношение митрополита Макария к опричнине, причем сама легенда возникла явно позднее. Так, после «видения» в Пискаревском летописце сообщается о явлении мощей Никиты Новгородского, о взятии Юрьева Ливонского и Ругодива, о рождении царя Федора Ивановича в 1557 г. Наименование Федора «царем» датирует всю запись временем не раньше 1584 г., когда Федор Иванович воцарился. Как видим, и в данном случае, время летописной записи отделено от рассказываемого в ней события промежутком, не меньшим чем в двадцать лет.

Далее в Пискаревском летописце следует рассказ об опричнине, крайне любопытный по своему содержанию, но в то же время тенденциозный. Опричнина началась «по злых людей совету: Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же». Царь «возъярися... на все православное христианство». Он жил «за Неглинною на Петровке, а ходиша и ездиса в черном и все люди опричницы, а в саадапех помяла. И бысть в людех ненависть на царя от всех людей и биша ему челом и даша

¹⁰ «Летописец», стр. 73.

¹¹ Там же, стр. 73—74. «В летех 54», т. е. в 1546 г.

¹² М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской. «Исторические записки», т. 46, 1954, стр. 286.

¹³ «Летописец», стр. 75.

ему челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему быти. И присташа ту лихия люди ненавистники добру: сташа вадити великому князю на всех людей, а инья по грехом, словесы своими, погибоша. Стали уклоняться князю Володимеру Андреевичю. И потом большая беда зачалася»¹⁴.

Это известие очень интересно, как отражение тех разговоров, которые ходили об опричнине в русском обществе XVI—XVII вв. Однако оно представляет собой сравнительно позднюю запись, как это обнаруживается из дальнейшего рассказа «О смерти князя Володимера Андреевича и матери его». Согласно Пискаревскому летописцу Иван Грозный велел своему двоюродному брату вместе с семьей «быти на ям на Богону». Эта ямская станция находилась между Троице-Сергиевым монастырем и Переяславлем-Залесским. Туда же приехал Грозный и опоил «зелием» Владимира Андреевича вместе с его княгиней и старшей дочерью. Впрочем, Грозный пощадил сына Владимира Андреевича и его меньшую дочь, «а дал ее замуж за короля Орымагнуся невелику, а к венчанию несли на руках, а свадьба была в Новгороде, и отпустил их в Немцы, и там была многа лет и дочь прижила с королем. И как короля не стало, и она приехала к Москве и з дочерью 94-го при царе Федоре»¹⁵.

Как видим, это известие не могло быть написано раньше 94 или 1586 г., о котором говорит сам Пискаревский летописец. Но и эта дата не является конечной, потому что дальше говорится о самой королеве как о живой: «а дочь ее крестили в Новом монастыре, царица Леонида царевича Ивана Ивановича. А сама королева пастриглася у Пречистыя под Сосенками у Сергеева монастыря. А дочь преставися вскоре и положена у Троицы в Сергееве монастыре, в большой церкви в углу»¹⁶.

Слово «постриглася» (понимается, в монахини) и отсутствие упоминания, когда умерла королева Мария Владимировна, говорит об определенном времени. Королева была еще жива после 1610 г., когда ее ограбили казаки при взятии Новодевичьего монастыря. Значит, автор написал свое известие о Владимире Андреевиче и его детях позже 1610 г., сорок лет спустя после описываемой смерти Владимира, по слухам и с явным намерением очернить Ивана IV. Насколько неточны известия Пискаревского летописца видно из того, что в нем сообщается, будто Грозный позже убил оставленного в живых сына Владимира Андреевича, князя Василия, и тогда же «опоил царицу Марью черкаскову». Но эти события произошли в разные годы. Марья «черкаскова», вторая царица Грозного, умерла значительно раньше князя Василия Владимировича, о смерти которого говорится под 1574 г. Следовательно, Грозный не был в состоянии одновременно отравить Василия Владимировича и Марью Темрюковну.

Помещенный тут же рассказ о женитьбе Василия Владимировича тоже вызывает большие сомнения. «А сын князь Володимеров Андреевича,— читаем в летописце,— князь Василей, после отца своего был женат, а была за ним Мезецких княжна, а свадьба была в Слободе с великим срамом и с поруганием. И выслал ее за заставу в одной сорочке, и она ходила по деревням: никто не смеет пустити, и тако скончалася»¹⁷. Если вспомнить о том, что это известие было записано не раньше 1610 г., то надо признать, что в нем отразились смутные рассказы о каком-то скандале в Слободе. Как далее увидим, были особые причины интереса автора записи к потомству Владимира Андреевича. Автор не выражает каких-либо симпатий к Владимиру и его детям, в частности, к королеве Марии Владимировне. А между тем в царствование Шуйского королева оставалась единственным отпрыском династии Рюриковичей и могла считаться законным претендентом на престол.

Помещенные в Пискаревском летописце статьи «О походе и о казни навгородцкой» и о царском походе в Псков носят также характер устного предания, как и статьи о московском пожаре 1571 г. и битве на Молодях в 1572 г. В статье «О приходе крымского царя к Москве» рассказ о набегах хана заканчивается повествованием о шутовском переодевании царя перед послами крымского хана: «И, как царь крымской поиде от Москвы, и прислал послов к великому князю по выход. И князь велики нарядился в сермягу, бусырь да в шубу баранью, и бояря. И послом отказал: «Видишь де меня,

¹⁴ «Летописец», стр. 76.

¹⁵ Там же, стр. 78.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

в чем я. Так де меня царь зделал! Все де мое царство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю»¹⁸. Как видим, рассказ о переодевании царя имеет характер остро-го политического памфлета, направленного против Грозного, как и анекдоты о видении Макария, свадьбе Василия Владимировича и т. д.

Несколько иной характер имеет рассказ о битве на Молодях в 1572 г. Об этой битве рассказывают особые повести, одна из которых была издана С. К. Шамбинаго. Если сравнить повесть о битве с крымским ханом на Молодях, изданную Шамбинаго, с Пискаревским летописцем, то станет ясным, что повесть является более точным источником, чем летописец. Так, в повести даются точные даты: 26 июля крымский царь подошел к Оке, 27, в ночь под воскресенье, татары переправились через Оку на Сенкином перевозе, 28 июля Мурза Тербердий подошел к Москве. 30 июля произошел решительный бой, кончившийся поражением крымцев; в этом бою был взят в плен крымский «большой воевода Дивей Мурза». 2 августа крымский царь подходил к Гуляй-городу, где засели русские войска, но потерпел поражение. 3 августа царь обратился в бегство и переправился через Оку¹⁹.

В Пискаревском летописце полностью отсутствуют какие-либо даты. Дивей-Мурза перешел Оку «против Дракина». Русский обоз был поставлен на Молодях «за три часа до царева приходу». Тут многие татары были побиты, а Дивей попал в плен («Дивей взяли в сторожевом полку у князя Ивана Шуйсково»). Летописец добавляет, что в русских полках был великий голод, «аще бы не бог смилосердовался, не пошел царь вскоре назад, быть было великой беде»²⁰.

После рассказа о битве на Молодях в Пискаревском летописце следуют известия, относящиеся к Ливонской войне и казням на Москве. Запись о взятии Пайды датируется тем, что город взяли «на Васильев вечер», т. е. 1 января, на память Василия Великого. Тут же отмечена и смерть под Пайдой «ближнего царева и думнаго дворянина Малюты Скуратова». В рассказе о взятии Коловера в числе погибших воевод отмечен Иван Андреевич Шуйский, которого не нашли («не сыскаша») после боя. Все эти известия носят печать позднейших припоминаний, как и статья «о другой казни на Москве на площади у Пречистыя». По Пискаревскому летописцу «положи царь опалу на многих людей: повелеша казнити на площади у Пречистыя в Большом городе при себе боярина князя Петра Куракина, Протасия Юрьева, владыку Наугородцкого, протопопа Архангенского, Ивана Бутурлина, Никиту Бороздина, архимарита чудовского, и иных многих казниша; а главы их меташа по дворам, к Мстисловскому ко князю Ивану, к митрополиту, Ивану Шереметеву, к Андрею Щелкалову и иным»²¹.

Казни в Пискаревском летописце отнесены к 1573 г. под общим заголовком: «того же году». Однако Протасий Юрьев (о котором говорится, что он был казнен в 1573 г.) в действительности умер только в 1575 г., еще в 1574 г. он был головой в государевом полку. Иван Бутурлин по списку боярскому выбыл в 1575 г. Автор записи, видимо, опять писал по рассказам и не мог записать имен митрополита, чудовского архимандрита, архангельского протопопа, пугая события и имена. По памяти записан и следующий за этим рассказ «о царстве царя Семиона». По словам летописца, в том же году (1573) «произволением царя и великого князя Ивана Васильевича сажал на царство Московское царя Семиона Бендбулатовича». По Пискаревскому летописцу, обряд венчания Симеона на царство происходил в Успенском соборе в Москве. Тогда же Симеон женился на дочери князя Мстиславского, Анастасии, с которой был обвенчан в Успенском соборе. «А жития его (Симеона.— М. Т.) было 3 год и болши, да и опять его сослал и дал ему Тверь и Торжек в удел». Автор записи тут же делает следующее замечание, которое выдает время, когда было составлено известие о Симеоне: «А говорили нецны, что для того сажал, что волхвы ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть. А иные глаголы были в людех, что искушал люди: что молва будет в людех про то»²². В известии нет ни слова о смерти Симеона. Значит, и рассказ «о царстве царя Семиона» был написан еще до его смерти, т. е. до 1616 г. В конце же

¹⁸ «Летописец», стр. 80.

¹⁹ С. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного, Сергиев Посад, 1914, стр. 79—82.

²⁰ «Летописец», стр. 80.

²¹ Там же, стр. 81.

²² Там же, стр. 82.

XVI в. Симеон был одним из кандидатов на царский престол, как и князь Мстиславский.

Вслед за этим в Пискаревском летописце помещены известия о царском походе в Ливонию, о походе под Колявань и Кесь и «О приходе королевском ко Пскову», после чего сообщается «О взятии корельском». «Лета 7089-го,— читаем в летописце,— взяли немцы Корелу при царе Иване Васильевиче. А у немец взял царь и великий князь Федор Иванович без крови 106-го, а было за немцы 17 лет. А сто девятогонадесять отдал им опять царь Василей Шуйской за то, что оне отогнали от Москвы панов и русских воров со князем Михаилом Васильевичем Шуйским. И того же году побили князя Дмитрея Шуйского с товарищи за Можайском литовския люди. И немцы и втеперы изменили им и Корелы не очистили; и за то они и сами взяли Корелу и Новгород с пригороды воровством»²³.

Таким образом, запись о Корельских городах была написана после оккупации Новгорода шведскими войсками и поражения русских войск под Клушиным в 1610 г. Как и в других случаях, время самой записи отстоит от рассказываемых в ней событий на несколько десятков лет. Легенды и действительность причудливо сливаются в этих «воспоминаниях москвича». Это заметно и в повествовании о смерти Ивана Грозного: «Того же году (т. е. в 1584 г.— М. Т.) явился на Москве птица велика, голосиста; а прилетела ночью и вопила... а была много время, и до смерти царя Ивана»²⁴. Летописец тут же добавляет: «А жен было у него шесть». Царевич Иван и царь Федор родились от царицы Анастасии Романовны, «царевич Дмитрей Углецкой от Нагия, шестыя»²⁵. Замечание от «шестыя» показывает, в какой среде возникла запись. Эта среда была враждебной как Ивану Грозному, так и Нагим. Как бы заканчивая повествование о Грозном, летописец тут же добавляет легенду о предсказании казанской царицы, расспрашивавшей о родившемся царевиче, будущем Иване Грозном: «И воспросила царица Михаила: «Каков де ваш царь новорожденной?» И Михайло промолчал. И она вдругоряд и рече ему: «Яз де тебе скажу: родился де у вас царь, а у него де двои зубы: одними де ему съести нас, и другими вас»²⁶.

Рассмотрение Пискаревского летописца в той части, которая относится к известиям о царствовании Ивана IV, убедительно показывает тенденциозность многих его сообщений, их близость к тому, что помещалось в записках иностранцев, писавших о событиях второй половины XVI в. Поэтому Пискаревский летописец имеет важное значение для понимания, откуда иностранцы брали свои сведения об Иване Грозном. Это рассказы оппозиционных бояр, охотно сообщавших московские слезы и слухи о придворной жизни. Конечно, нам нет никакой необходимости как-то обелять личность Ивана Грозного. Извращением исторической действительности являются попытки некоторых историков и литераторов изобразить Малюту Скуратова гуманистом, а Грозного добряком, который по случайности казнит и мучит бояр. Но нельзя и без критики принимать все сведения, сообщаемые иностранцами об Иване Грозном. К счастью, в данном случае мы более или менее точно можем ответить на вопрос, где и при каких условиях возникли некоторые известия Пискаревского летописца.

Выше уже отмечалось недоброжелательное отношение автора записей к Ивану Грозному, который изображается злым тираном, допускающим шутовские выходки. Но недоброжелательство автора некоторых записей Пискаревского летописца распространяется не только на Грозного, но и на всех возможных претендентов на царский престол после смерти царя Федора Ивановича. Симеон изображен эфемерным царем, королева Мария, прямая наследница последних царей, названа монахиней, о свадьбе Василия Владимировича говорится с насмешкой.

Совсем иные выражения Пискаревский летописец находит, когда говорит о Шуйских. В нем мы встречаем много упоминаний о различных боярах, но чаще всего и почти всегда с положительной оценкой говорится именно о князьях Шуйских. При этом автор записи прекрасно знает подробности о том или ином из рода князей Шуйских.

Вот перед нами рассказ о смерти князя Петра Шуйского, вставленный в летописец под 1564 г. «Лета 7072-го посла царь и государь Литовския земли воевати; из Полоцка

²³ «Летописец», стр. 84.

²⁴ Там же, стр. 85.

²⁵ Там же, стр. 86.

²⁶ Там же.

боярину князю Петру Шуйскому, а из Смоленска двум Серебряным, и сходитись им велел на Друцких Полях. И воеводы пошли с мест своих, из Полоцка и из Смоленска. И как будет князь Петр в Литовской земле, в деревне, в Овлялихех, и туго пришли безвестно литовския люди многия, воевод побили и поймали многих дворян, седьмсот человек больших дворян и детей боярских имянных, а князя Петра Шуйского збили с коня. И он з дела пеш утек и пришел в литовскую деревню, и тут мужики его, ограбя, и в воду посадили. И сведал виленской воевода, и тех мужиков велел переимати и казнити, а тело вынати, и погреб чесно в Вильне в Стонисаве в римской церкви. И сам за ним шел и погреб возле великого князя дочери Елены, коя была за Олександром королем литовским»²⁷.

О. А. Яковлева снабжает этот текст тремя небольшими замечаниями справочного характера, но известия Пискаревского летописца предстанут перед нами по-другому, если мы заглянем в Александро-Невский летописец, где говорится, что два князя Серебряных пошли против литовских войск из Смоленска, а Петр Иванович Шуйский направился в Литовскую землю из Полоцка. Петр Шуйский и бывшие с ним воеводы шли «не по государьскому наказу, оплсшася, небрежно». Они потерпели полный разгром от Николая Радзивилла, причем Петр Шуйский был убит²⁸. Известие Пискаревского летописца заставляет задуматься над тем, не была ли неудачная битва с литовцами результатом попытки Петра Шуйского последовать примеру Курбского, вследствие чего его гибель от руки «мужиков» и вызвала такое негодование Радзивилла.

И в других случаях Пискаревский летописец проявляет особую осведомленность в семейных делах Шуйских. В связи с описанием пожара Москвы в 1571 г. в нем говорится: «Да князь Никита Петрович Шуйской, меньшей брат князю Ивану, ехал в ворота на Живой мост и стал пробиватися в тесноте вон, и тут его Татева человек ножом поколод, и он тотчас и преставися»²⁹. Так может писать только человек, хорошо знающий семейство Шуйских, разбирающийся, кто из Шуйских приходился старшим или младшим родственником, не забывающий и прихвастнуть в пользу Шуйских. Вспомним, как, рассказывая о битве при Молодах, Пискаревский летописец говорит, что Мурзу Дивея взяли в плен «в сторожевом полку у князя Ивана Шуйсково», хотя повесть о битве при Молодах об этом молчит.

Особый интерес Пискаревский летописец проявляет к предкам царя Василия Шуйского. Об участии его деда Андрея Михайловича в аресте дмитровского князя Юрия Ивановича, дяди Ивана Грозного, говорится дважды. В первом известии Андрей Михайлович Шуйский благородно отказывается перейти на службу к Юрию Ивановичу и сообщает об этом князю Горбатуму Шуйскому, а тот говорит боярам, после чего великая княгиня Елена приказывает арестовать Юрия Ивановича. Это известие в той же редакции сохранилось в Воскресенской летописи³⁰. Однако, не довольствуясь первым известием о роли Андрея Михайловича Шуйского в «поимании» Юрия Ивановича, Пискаревский летописец с большим опозданием в годах помещает другой рассказ о том же событии с примечанием: «Прописано в сем летописце в летах: 42, 44, 45, 46, 47, 48, и напи сано для тово после 49 году: 42-й»³¹, т. е. после 1541 г. дается известие 1534 г. В этом втором известии, которое имеется в Львовском летописце, Андрей Михайлович Шуйский показан как человек, готовившийся перейти на сторону Юрия Ивановича, а виновниками ареста Юрия названы бояре³².

Хорошее знание различного рода событий, касающихся Шуйских, обнаруживается и в других местах Пискаревского летописца. Рассказав об опале в 1586 г. Андрея Ивановича Шуйского, брата царя Василия, летописец приводит рассказ об его отце, которого слас дядька, бежав с ним из Москвы на Белоозеро, и здесь «животину с ним пасяше и всякую страду страдаше». В «невкое время», когда Иван Грозный поехал в Сергиев монастырь, дядька добился амнистии малолетнему князю³³.

²⁷ «Летописец», стр. 75—76.

²⁸ РИБ, т. III, СПб., 1876, стр. 206—207.

²⁹ «Летописец», стр. 79—80.

³⁰ ПСРЛ, т. VIII, стр. 286.

³¹ «Летописец», стр. 47.

³² ПСРЛ, т. XX, стр. 421. Пискаревский летописец, впрочем, дает это второе известие в сокращенном и несколько ином виде, чем Львовская летопись.

³³ См. «Летописец», стр. 88—90.

Можно привести и другие примеры, показывающие особый интерес Пискаревского летописца к Шуйским, но и сказанное выше позволяет думать, что летописец возник в окружении Шуйских и ставил своей задачей благоприятно осветить их роль в государственных делах XVI в. Если же мы вспомним, что Шуйские были Рюриковичами, как и род Калиты, тогда станет ясным и появление некоторых известий Пискаревского летописца.

Дело в том, что Пискаревский летописец не единственное произведение, связанное с Шуйскими. Так, совсем недавно Л. Н. Пушкарев подтвердил новыми фактами мое предположение, что при Шуйских было составлено сказание о начале Москвы, где родословная Шуйских неверно выводится от прародителей московских князей, в частности, от Александра Невского³⁴. В Пискаревском летописце также отмечается, что Шуйские происходят от московских князей: «Да от Московских же великих князей пошли: Шуйския, Ярославския и Смоленския.. Шуйския от Ондreja, Андрей был брат Невскому князю Александру родной»³⁵. Между тем, в действительности, родоначальник Шуйских не был родным братом Александра Невского.

Итак, перед нами не просто «воспоминания москвича», а компиляция какого-то сторонника Шуйских, ставящая себе задачей очернить Грозного и его наследников, не забывая при этом даже о еще живой королеве Марии Владимировне.

Когда же и кем был составлен Пискаревский летописец?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим сведения Пискаревского летописца в его конечной части, описывающей события конца XVI — начала XVII в. Эта часть Пискаревского летописца не менее, а даже более ценна для историка, чем предыдущие известия времени Ивана Грозного.

Царствование Федора Ивановича описано с интересными подробностями, и к записям этого времени справедливо относится замечание О. А. Яковлевой о том, что автором летописца был какой-то современник, стоявший близко к московскому каменному строительству. Так, именно в этой части летописца находим точные сведения о построении церкви в Вознесенском монастыре, палаты Чудова монастыря, каменного храма Никиты Мученика за Яузой, церковью в Беседах и Хорошеве³⁶. В этой части летописца с большим почтением говорится о Борисе Федоровиче Годунове и о его родственниках.

Исключением является заметка об убийстве царевича Дмитрия Углицкого, где подчеркивается, что Дмитрий был сыном шестой царицы Марии Нагой и, таким образом, не имел права на престол. В этой заметке, как говорилось выше, Борис Годунов объявлен убийцей царевича. При описании смерти Бориса Годунова также сообщается о том, что он сам пострадал от тех «довотчиков» и различного рода ябедников, которые жаловались ему на бояр. «А ревность его великая была ко всем бояром и дворяном, и доводы от боярских людей и от всяких великие друг на друга, да и сам от тех доivotчиков погиб»³⁷. Создается впечатление, что в первоначальный текст, благоприятный Годуновым, были сделаны позднейшие вставки. Так, после рассказа о том, что царице Ирине Федоровне целовала крест «вся земля Росийского государства» и восклицаний о богатстве, премудрости и разуме божьем, вдруг записано: «А мудрому Соломону глаголющу: «Аще воцарится раб, не благо будет». Слова эти направлены против Бориса Годунова, а в тексте говорится о его сестре — царице Ирине, которая села на престол, как жена и законная наследница Федора Ивановича³⁸.

Вслед за сообщением о «смерти царя Бориса» в Пискаревском летописце помещен обширный рассказ «О царстве еретика дьякона розстриги Гришки Отрепьева». В нем приводится официальная версия, что самозванец был из роду детей боярских Отрепьевых. Рассказ этот написан очевидцем и сторонником Шуйских. Василий Шуйский назван в нем уже великим князем³⁹. В качестве сторонников Самозванца названы Ляпуновы, которые «заворовали». Эти слова написаны явно уже после выступления Ля-

³⁴ См. «Материалы по истории СССР», вып. II, «Повесть о зачале Москвы», стр. 213 и сл.

³⁵ «Летописец», стр. 97.

³⁶ Там же, стр. 99—100.

³⁷ Там же, стр. 110.

³⁸ Там же, стр. 101.

³⁹ Там же, стр. 115. «Молвил, было, про него тайно князь велики Василей».

пуновых против Василия Шуйского. Тут же сказано, что люди, пожалованные Самозванцем «и после ево были в боярех и в окольных, и вотчины и поместья кому даны, за ними». Это последнее указывает на то, что запись сделана была уже при царе Михаиле Федоровиче. Как бы в подкрепление взгляда на Дмитрия Самозванца, как на ставленника польских панов, приводится запись, данная им Марине Мнишек.

Текст «О царстве царя и великого князя Василия Ивановича Шуйского» носит уже явный характер записей очевидца описываемых в нем событий. Отмечается, что князя Василия «всем народом выбрали на Лобном месте»⁴⁰. Запись кончается сообщением о плене Шуйского, который «едучи в Литву, с себя платье черное скинул...»⁴¹.

Записи Пискаревского летописца о царствовании Шуйского — новый и ценный источник, который и представляет собой настоящие «воспоминания москвича», написанные явно по свежей памяти о происшедших событиях. Автор стоит на стороне царя Василия Шуйского и его классово-политики. Яркая классовая направленность Пискаревского летописца особенно сказывается при описании восстания Болотникова. Так, рассказывая о «Петрушке-воре», одном из самозванцев, летописец говорит, что он был «ни от царского колена, ни от вельможска роду, ни детей боярских сродич! Колики крови в Путимле и на Туле пролил от бояр, и от дворян, и от боярских! И немнога о сем скажем: от бояр: князя Петра Буйносова, князя Василья Черкасского-Кордонукова, Михаила Сабурова, князя Андрея Ростовского, князя Савелия Щербатова, иных многих таких; а дворян и детей боярских без числа крови пролилося! И многие от них обличаше его во всем народе, и он их повеле казнити розными муками, и они, не бояся мук, обличаше его перед всем народом. И он их повеле посекати, по суставом резати, а иным руки и ноги на хрест сечь, а иных варом обливати и з города метати. И оне кричаше и обличаше во весь народ, что он прямой вор, холоп Елагиных детей боярских сапожников сын. Как то не мученики, как не святые! И в древняя лета не так же ли мученики страдаша от мучителей?»⁴². Так, бояре, казенные самозванцем Петрушкой, выдаются за мучеников. Живая, почти простонародная речь чувствуется в восклицании: «Как то не мученики, как не святые».

Итак, Пискаревский летописец — источник сложный. Он потребует еще большой работы, и эта статья только первая попытка разобраться в этом новом и интересном источнике⁴³.

В какой же среде мог возникнуть Пискаревский летописец? Можно считать доказанным, что это была среда, близкая к Шуйским и враждебная Нагим и Романовым, один из последних — Василий Юрьев — объявляется инициатором опричнины.

Автор был связан с посадским населением города Москвы и дважды говорит о Земском дворе, где ведались посадские люди. В первый раз он говорит о Земском дворе в Китай-городе, второй раз о другом Земском дворе, «блиско Успенского врашка у мосту, против старово государева двора, где после князь Дмитрий Шуйской жил»⁴⁴.

Есть некоторые намеки на то, что создатель Пискаревского летописца был связан с Печатным двором. В летописце дважды говорится о печатании книг: «Повелением царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в 100-м (1592.— М. Т.) году и в ыных годех печатны книги: евангилия, апостолы, псалтыри, часовники, охтай, миней общия, служебники, треоди посныя и цветныя». «Того же году (1600.— М. Т.), повелением царя и великого князя Бориса Федоровича, печатали книги: еуангеля, апостолы, псалтыри, часовники, миней общие, треоди посные и цветные, охтай, служебники, а печатаны в розных городех»⁴⁵.

⁴⁰ «Летописец», стр. 124.

⁴¹ Там же, стр. 126—127.

⁴² Там же, стр. 129—130.

⁴³ Вероятно, существовали и другие подобные же произведения. В частности, О. А. Яковлева незаконно отстранила от изучения другой изданный ею памятник — «Сокращенный Временник», заметив о нем, что «Временник» является лишь сокращением и искажением Пискаревского летописца («Летописец», вступит. статья, стр. 20).

⁴⁴ «Летописец», стр. 169; См. также прим. 153. О. А. Яковлева повторяет неверное определение П. В. Сытина, согласно которому этот двор находился «на месте нынешнего манежа», в действительности Успенский Вражек был в районе Никитских улиц.

⁴⁵ «Летописец», стр. 100 и 105.

Пискаревский летописец в своей заключительной части может быть сопоставлен с таким источником, как «Сказание известно о воображение книг печатного дела...»⁴⁶. В Сказании очень близко к Пискаревскому летописцу говорится о воцарении Романовых. Царь Михаил назван в Сказании, как и в летописце, «племянником» царя Федора Ивановича, тогда как позже его предпочитали называть внуком царя Ивана Грозного.

Автор сказания среди злодеев и изменников особо отмечает Федьку Андронова, о казни которого говорит и Пискаревский летописец с добавлением, что он «воровал всех больши, а был купецково чину»⁴⁷. В сказании говорится также о том, что печатники, и в их числе Никита Федоров сын Фофанов, бежали в Нижний Новгород «от насилия и страха тех сопостат». Из числа таких людей, вероятно, и вышел создатель Пискаревского летописца, повествование которого о событиях 1612—1615 гг. написано так, что заставляет предполагать, будто автор повествования жил в это время не в Москве и писал о московских событиях с чужих слов.

Не забудем и наблюдения М. В. Щепкиной о большом количестве различных водяных знаков в Пискаревском летописце, свидетельствующем о запасе самой разной, вероятнее всего, казенной бумаги, и тогда наше предположение о лице, написавшем летописец, начинает принимать вероятие. Пискаревский летописец был составлен в среде печатников, может быть, даже Никитой Фофановым.

В «Летописце» рассказывается о Козьме Минине «от простых людей», как о человеке, которого автор записи видел сам. Это заставляет вспомнить о печатниках, живших после Шуйского в Нижнем Новгороде. Здесь, видимо, вскоре после 1615 г., которым заканчивается летописный рассказ об Иване Заруцком, и был написан летописец, составление которого началось, вероятно, раньше, в царствование Шуйского. В последней своей части это настоящие записки москвича, к которым позже были приписаны известия о начале царствования Михаила Федоровича.

Перед нами замечательный, драгоценный источник по истории XVI — начала XVII в., основанный на недошедших до нас сочинениях и устных преданиях, отредактированный в определенном тенденциозном духе; источник, вышедший из среды неродовитых людей, близких к Шуйским, которых, как известно, выкликнули на престол «пирожники и шубники». Это своеобразный памфлет начала XVII столетия.

---

⁴⁶ П. Строев. Описание старопечатных книг славянских И. Н. Царского, М., 1836, Приложение.

⁴⁷ «Летописец», стр. 142.

